

Зал приёмов Башни Весенней реки утопал в мерцании огней. Притаившиеся в полумраке служители борделя, у каждого из которых было своё строго отведённое место, достали из вёдер со льдом искусно выточенные вогнутые ледяные призмы. Направив их под заранее выверенными углами, они поймали свет.

Лучи пронизывали лёд, преломлялись, меняя направление, и сталкивались с серебряными зеркалами в руках юных служанок. Отражаясь от блестящих поверхностей, потоки света устремлялись вниз, собираясь в единый фокус на сцене.

Сквозь полупрозрачный занавес струилось мягкое свечение. Стоило тонкому шёлку колыхнуться от лёгкого дуновения, как световые блики пускались в пляс, наполняя просторный зал зыбкой игрой теней. Казалось, огромный янтарный кристалл раскололся на тысячи острых граней, которые слепили глаза и одновременно убаюкивали зрителей медовой, тягучей тишиной.

Но этот покой был лишь иллюзией. Невесть откуда взявшийся луч упал на подмости, озарив танцующую красавицу. Свет заиграл на её роскошных одеждах, блеснул в изящных заколках. Под алой мушкой-хуадянь на лбу сияли очи, в которых, казалось, не отражался никто из затаивших дыхание зрителей.

Прекрасная, отрешённая от суетного мира, она кружилась в одиноком танце, являя собой завораживающее зрелище.

Под величественные звуки пипы и циня дева двигалась легко и плавно: поднималась на цыпочки, кружилась, прогибалась в талии, взмахивала тонкими руками... На ней было яркое платье, но в её движениях не было и тени вульгарности или дешёвого соблазна. Каждым жестом она излучала благородство и величие, будто земная владычица, испившая чашу роскоши до дна, или сошедшая с небес бессмертная дева в сияющих одеждах.

Вдруг золотой шаговый шпиль-буяо выскользнул из её причёски, с негромким звоном упал на сцену и покатился далеко в сторону. Весь огромный зал Башни Весенней реки замер. Слышны были лишь переливы пипы, ведущие за собой остальные инструменты.

Взоры зрителей были прикованы к сцене. Там, в хмельном и хаотичном вихре танца, кружилась красавица, заставляя сердца сжиматься от щемящей тоски по недостижимой, заоблачной роскоши.

Кто посмеет сказать, что драгоценная наложница Ян не была прекрасна? Её красота таилась в каждом движении, в той баснословной роскоши, о которой веками будут слагать легенды. Но важнее было другое — её чувства там, на склоне Мавэй. Шла ли она на виселицу добровольно, готовая безропотно принять смерть ради своего повелителя, или же умирала с неизбывной обидой и затаённой злобой в сердце? Танцуя, Цзиньли передавала именно это: безудержную жажду наслаждений, слепую любовь и отчаянное падение в бездну, где есть лишь хмельное забытие.

В самом тёмном углу зала, за резной ширмой, сидел молодой учёный в скромных одеждах. Тяжело вздохнув, он склонился к сидевшей рядом девице и негромко спросил о той, что блистала на сцене.

Девушка недовольно фыркнула и со стуком поставила чарку, которую собиралась поднести гостю, прямо на стол:

— Вечно вам, мужчинам, чужой кусок слаще. Какая тебе разница, как её зовут и откуда она взялась? Раз уж загляделся на другую, зачем было в такую стужу звать меня из тёплого флигеля сюда, в этот шумный зал? Или в моей постели, где жарко горят угли и греет грелка, тебе было недостаточно тепло?

Учёный не обиделся на резкие слова. Он лишь усмехнулся, покачал головой и, взяв со стола чарку, тихо произнёс:

— Я лишь сокрушаюсь о том, какая у этой девы горькая доля.

Но собеседница не унималась, продолжая капризничать:

— А у кого в нашем заведении она сладкая? Покажи мне хоть одну, у кого жизнь сложилась иначе!

Мужчина тихо рассмеялся, осушил чарку до дна и, обняв девушку за плечи, притянул к себе. Однако взгляд его по-прежнему был устремлён на сцену:

— Горькая доля горькой доле рознь... Те, кто слишком ясно понимает, чего хочет от жизни, обычно страдают сильнее всех.

Девушка шутливо ударила его кулачком в грудь и обиженно отвернулась.

А учёный лишь качал головой, вполголоса сокрушаясь:

— И музыка хороша, и танец прекрасен, да только всё это — лишь отражение луны в воде, цветок в зеркале... То, к чему она стремится, ей никогда не обрести.

Тем временем на сцене звуки пипы стали стихать. Протяжный, чистый звон медного цина разнёсся под сводами зала. Откинувшись назад, красавица в алом платье опустилась на колени, словно пытаясь дотянуться до далёкой луны, а затем медленно опустила руки, будто осушив последнюю, невидимую чашу с ядом.

Когда затихли последние отголоски музыки, огни в зале начали один за другим гаснуть. Блики света на полупрозрачном занавесе растаяли: слуги убрали серебряные зеркала и ледяные

призмы. Шёлковые полотна с туманными очертаниями пиршества медленно поползли вверх. На опустевшей сцене осталась лишь сидящая на полу красавица. Она медленно подняла голову и впервые открыто посмотрела на зрителей.

Поднявшись, ослепительно прекрасная и полная достоинства, она отвесила чинный поклон и скрылась за кулисами.

В то же мгновение зал буквально взорвался рукоплесканиями и криками.

Когда до этого сцену покинула Чуян, в зале тоже поднялся шум, но тогда все с нетерпением ждали выхода Цзиньли. Свободных рук не хватало, поэтому сновавшие между столами служанки лишь быстро собрали таблички с именами и поспешно скрылись, из-за чего волнение быстро улеглось.

Теперь же со всех сторон так и мелькали призывно поднятые руки. Девочки-служанки и служители борделя, собиравшиеся было убирать реквизит, то и дело сворачивали с пути, откликаясь на зов щедрых гостей.

Сы Вэй всё это мало заботило — в конце концов, вырученные деньги всё равно достанутся не ему. Главное, что представление завершилось, а судя по восторженному гулу толпы, затея увенчалась полным успехом.

Конечно, сам он не считал свою роль ключевой. С таким редким талантом Цзиньли могла бы вернуть себе былую славу и без его помощи — стоило ей только захотеть. Просто раньше её разум застилала обида, мешая двигаться дальше.

Спрятав серебряное зеркало за пазуху, Сы Вэй направился к ширмам, за которыми Цзиньли готовилась к выходу. Стоило ему обогнуть одну из лож-кабинетов на втором ярусе, как сквозь решётчатое окно он заметил сидящего внутри человека.

На вид юноше было лет пятнадцать-шестнадцать. Тонкие, чётко очерченные брови, высокая переносица, плотно сжатые губы и небрежно спадающие на виски пряди волос... Если бы не роскошный тёмный плащ с искусной вышивкой, его легко можно было принять за молодого странствующего воина, обременённого фамильной вендеттой. В его бунтарском облике сквозила тяжёлая, не по годам серьёзная суровость.

Впрочем, вольные бродяги обычно путешествуют налегке и в одиночку — им вряд ли по карману подобная одежда, за внешней скромностью которой скрывалась баснословная роскошь.

Свет лампы падал на его лицо так, что одна половина оставалась в тени, а другая резко выделялась во мраке. Сказать по правде, Сы Вэй даже невольно замедлил шаг, не в силах разглядеть его скрытый силуэт.

Глубокая ночь, незнакомец, затаившийся в полумраке... Выглядело это довольно жутковато.

Сы Вэй замялся на мгновение. Прижав зеркало плотнее, он вежливо улыбнулся и уже собирался пройти мимо человека, который явно принадлежал к совершенно иному миру, как вдруг тот небрежно поманил его пальцем.

На галерее второго яруса было почти пусто. Людей, отвечавших за направление света, Сы Вэй распределил по незаметным углам, но точку прямо напротив сцены обойти никак не получалось. Назначенный туда служитель борделя в последний момент сбежал, и ему пришлось отдуваться самому. В спешке он совсем позабыл о скрытых лестницах для важных гостей, и теперь столкнулся с незнакомцем практически лицом к лицу.

Сы Вэю ничего не оставалось, кроме как подойти ближе. Подражая повадкам местных служанок, он смиренно опустил голову и спросил:

— Господин желает чего-то?

Цинь Чжэн слегка повернулся и указал взглядом на зеркало в руках подростка:

— Чья это была затея — использовать ледяные линзы и медные зеркала, чтобы собрать свет на сцене?

В голове Сы Вэя мгновенно пронеслись формулы углов падения, преломления и векторов нормали — всё то, что он кропотливо рассчитывал опытным путём для этого представления. Но объяснять подобные вещи человеку из этой эпохи было совершенно бессмысленно.

К тому же за долгие годы в этом мире он успел усвоить простую истину: богатые и влиятельные люди редко бывают снисходительны к простому люду.

Выдержав короткую паузу, Сы Вэй покорно опустил глаза и мягко произнёс:

— Видел ли господин, как в погожий летний день блики от воды играют на стенах беседки? Если речная гладь способна отражать небесный свет, то почему медное зеркало не может направить пламя свечи туда, куда нам нужно?

Цинь Чжэн на миг лишился дара речи. Логика была безупречной, и всё же...

Он протянул руку через открытую створку окна:

— Ну-ка, дай взглянуть на это зеркало.

В его тоне сквозила привычная для знати властность — требование, не терпящее возражений. Сы Вэй едва заметно нахмурился, оценивающе окинул взглядом собеседника, но всё же протянул ему вещь.

В эту эпоху хорошая медная утварь ценилась высоко, ведь медь служила основой для чеканки монет. Зеркала отливали вручную, а затем мастера долго и упорно полировали их до тех пор, пока на поверхности не начинало отчётливо проступать лицо владельца — вплоть до каждого волоска. Разумеется, отражение всегда имело характерный желтоватый оттенок.

Но вещь, которую Сы Вэй передал юноше, отличалась от обычных изделий. С обратной стороны это была привычная бронзовая пластина с изящной гравировкой, но её лицевая сторона сияла чистым серебром, передавая цвета без малейшего искажения.

Цинь Чжэн покрутил зеркало в пальцах, рассматривая его со всех сторон, и снова спросил:

— Почему оно даёт такое чистое отражение?

Сы Вэй мысленно вздохнул.

Ему нужно было спешить к Цзиньли, и тратить время на праздные расспросы этого заносчивого господина совершенно не хотелось. Он смиренно опустил голову и присел в полупоклоне:

— Не ведаю, господин.

Стоявший за спиной Цинь Чжэна Сяо И мельком взглянул на диковинку:

— Если господину угодно, я могу послать Сюаньсяо к хозяйке этого заведения. Пусть разузнает.

Цинь Чжэн усмехнулся и небрежно бросил зеркало обратно Сы Вэю:

— Пустяки. Обычная безделушка, не стоит суеты.

Он скользнул взглядом по Сы Вэю, который хмуро поймал зеркало, и хмыкнул:

— Ладно тебе, девчушка, спрячь свою недовольную мину. И впредь держись подальше от гостевых окон. Увидишь случайно то, чего не следует, или рассердишь именитого гостя — хлопот не оберёшься. Ступай.

Сы Вэй терпеть не мог общаться с подобными господами, от каждого слова которых за версту

веяло спесью. Если дела не требовали личного присутствия, он всеми силами избегал встреч с теми, кто стоял на вершине здешней сословной пирамиды.

Поэтому он не стал спорить и лишь сухо выдавил послушное «да». Дело было не в том, что он не умел ценить чужую заботу. Просто выступление Цзиньли подошло к концу, а значит, и самому Сы Вэю в Башне Весенней реки оставаться незачем. Предостережение незнакомца могло быть вполне искренним, но для него оно уже не имело веса.

«Что ж, учту на будущее. Если, конечно, это будущее вообще наступит...»

Спрятав зеркало обратно, Сы Вэй поспешил прочь. Цзиньли спустилась со сцены на первом ярусе, и теперь нужно было отыскать её в этой суматохе.

Голова его была забита мыслями о Цзиньли, поэтому, наскоро поклонившись сидевшим в ложе господам, он поспешил к закулисным ширмам.

Уже уходя, он расслышал доносившийся из ложи приглушённый смешок:

— Мала ещё, а гонору-то сколько... Советов слушать не желает, кланяется нехотя.

Ему вторил тихий угодливый голос:

— Ничего, покрутится в этих стенах подольше — жизнь быстро обтечет любые углы. Дело времени.

«Уж простите, что не распластался перед вами в нижайшем поклоне»

Ширмы в закулисье уже успели убрать. Сы Вэй перехватил пробежавшую мимо служанку с подносом и узнал, что Цзиньли направилась к боковым переходам, соединяющим главный зал с внутренним садом. Расспрашивать, кому вернуть зеркало, было некогда, поэтому он так и побежал вниз по лестнице, прижимая дорожную вещь к груди.

Впрочем, здешние служители борделя давно знали Сы Вэя в лицо. Девчонок-служанок они наружу без дозволения не выпускали, так что за зеркало никто не переживал — далеко он с ним всё равно бы не ушёл.

Когда Сы Вэй нагнал беглянку, та уже успела накинуть тёплую шубку из кроличьего меха. Цзиньли стояла у дверей вместе с Цинлу, бережно прижимавшей к себе пипу. Заметив подбегающего Сы Вэя, она поманила его рукой:

— Быстрее, Сы Вэй! Матушка прислала сказать, что результаты торгов уже известны. Нам велено явиться к ней.

<http://bllate.org/book/18280/1760840>